

18+

ЛЕВ СОБОЛЬ

ВИНЕГРЕТ

(не кулинарная книга)

Лев Соболев

Винегрет. Не кулинарная книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477792

ISBN 9785005922304

Аннотация

В то время как литература стремится в интернет, прочно утверждаясь в пабликах и социальных сетях, рассказы Льва Соболева сами идут к читателю напрямик все из того же интернета. Легкие, полные юмора и иронии, местами преходящей в сарказм, рассказы не оставят вас равнодушными, помогут скоротать вечерок или провести время в дороге. Словом, перед вами книга для самой широкой аудитории, наслаждайтесь. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Подвиг во имя науки	5
Велосипед	10
Аденоиды	13
Запорожец	15
Как выработать хороший почерк (побочные эффекты)	18
Лыжи	22
О любви	25
Пионер и глобус Ленина	26
Про безрассудство и отвагу	29
Про ПТУ	34
Про важные мелочи	38
Первое сентября	40
Выбор	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Винегрет

Не кулинарная книга

Лев Соболев

Редактор Ольга Рыбина

Корректор Венера Ахунова

Фото [flickr.com/photos/foundin_a_attic](https://www.flickr.com/photos/foundin_a_attic/) (CC BY 2.0)

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Лев Соболев, 2023

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-2230-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подвиг во имя науки (ну почти)

В жизни всегда есть место подвигу. Избито звучит, но это так.

Причем подвиг не обязательно должен быть воинским.

Подвиг во имя науки, когда ученый очертя голову, бесстрашно бросается в пучину неведомого, безусловно заслуживает почетного места в пантеоне мировой славы.

Мне было шесть лет, когда я впервые пострадал из-за тяги к знаниям. Дело было летом 1980 года. Из-за Олимпиады меня вывезли из Москвы под присмотр бабушек и мамы в подмосковный поселок с нежным названием Березки, где снималась дача на лето.

Целыми днями я в компании сверстников, таких же сосланных на лето детей, болтался на велосипеде по поселку и его окрестностям.

Взрослые за нас совершенно не беспокоились, в те годы гулять с утра до вечера, да еще и не в городе, было совершенно обычным делом.

Ходили, правда, смутные слухи о цыганах, похищающих детей. Правда, про цыган нам говорили исключительно наши домашние, что заставляло сомневаться в достоверности этой информации.

Так вот. В один прекрасный день мы с приятелями забрались на территорию поселковой моторно-тракторной станции, где долго наблюдали за ремонтом трактора. Нас никто не гнал, а мы, в свою очередь, сидели тихо как мыши, окаменев от восторга.

Восторг был вызван не созерцанием процесса ремонта трактора. О нет! Наши детские души замерли в немом восторге от манеры общения людей труда друг с другом. Это был доселе неведомый нам мир. Какие емкие выражения! Сколько энергии в каждом слове или фразе! Чувство прекрасного пленило нас.

В полном восторге, чтобы не расплескать переполнявшие нас эмоции и не забыть ни слова из услышанного, мы покинули это волшебное место.

Но перед тем как расстаться до утра, мы решили, что посвятим завтрашний день попыткам овладеть новым искусством речи и общения.

На следующий день мы с приятелями предприняли попытку посредством чувственного или, если угодно, эмпирического способа познания мира овладеть внезапно открывшимися филологическими сокровищами на практике.

Проще говоря, мы пошли ловить головастика. Головастики водились в узком ручье, ручей, в свою очередь, медленно тек по дну глубокого оврага, а овраг был рядом с железной дорогой. В общем, место глухое, чужих не бывает. Для наших опытов лучше не придумать.

Головастики ловились с помощью дуршлага, позаимствованного мной у бабушки. Способ ловли был небезупречен, благодаря чему постоянно возникали ситуации, вполне уместные для применения полученных знаний и дававшие возможность отточить мастерство.

Мы работали над интонацией, громкостью и четкостью произношения. Пробовали конструировать различные фразеологические обороты, уверенные, что создаем что-то новое. Радость познания захлестывала нас, а жизнь была полна смыслом.

Вечером того же дня я отправился на местный пруд на рыбалку.

По причинам, совершенно не поддающимся разумному объяснению, на рыбалку я всегда отправлялся в компании бабушки или мамы. В тот вечер со мной пошла мама.

Начиналось все как обычно. Я нашел подходящее место, размотал удочку, насадил червя, забросил и стал ждать. Мама сидела в нескольких метрах за моей спиной на складном стульчике и вязала.

Летний вечер незаметно вступал в свои права. Легкий шелест осоки, тонкий звон комаров, плеск рыбы, когда она срыгается с крючка, да далекий свист изредка проходящего поезда – вот и все, что нарушало прохладную тишину. Рыбаки стояли и сидели вдоль берега. Время от времени они тихонько переговаривались между собой или со своими мамами и бабушками, которые, как и моя мама, сидели за их спи-

нами на раскладных стульчиках, словно второй ряд в театре.

Идиллия у воды.

В тот раз клевало не очень, что было странно, ведь в пруду водились исключительно ротаны, как известно, эта рыба кидается практически на любую наживку и не клевать просто не может.

Наконец, клюет. Подсекаю, вытягиваю, идет тяжело, явно здоровая сидит. Рыба действительно была крупной. Я успел ее рассмотреть, прежде чем она сорвалась и с сочным плеском ушла на глубину.

Я понял, что это был тот самый момент, и громко, с выражением произнес слово, наиболее подходящее, по моему мнению, к сложившейся ситуации и контексту, а именно: «БЛЯДЬ!»

Я успел скосить глаза на соседей в ожидании восторженных отзывов и желая насладиться произведенным эффектом.

Больше я не успел ничего.

«ЧТО? ТЫ? СКАЗАЛ?» – от голоса мамы за спиной сердце превратилось в кусок льда, лед провалился в желудок, ментально заморозив все остальные внутренности. Немедленно захотелось в туалет и куда-нибудь убежать. Тем не менее я обернулся и, смело глядя в бешеные мамины глаза, повторил: «БЛЯДЬ». Правда, уже не так громко.

Что было потом, я не помню. Через много лет, уже взрослым, я где-то вычитал, что наш мозг, желая сохранить рассу-

док в относительном порядке, услужливо стирает из памяти наиболее жуткие моменты жизни. Что-то мне подсказывает, был как раз такой момент.

Пусть я ничего не помню, но мне хочется верить, что я достойно принял все, что мне выпало в тот летний вечер, не так, конечно, как Джордано Бруно, но минимум как Галилео Галилей.

Велосипед

Летом 1980 года в Москве была Олимпиада, а я в полной мере овладел искусством управления велосипедом. Так мне казалось. То есть я умел на скорости входить в поворот, прыгать через небольшие канавы и тормозить с разворотом. В кругах дачных велосипедистов моего возраста это считалось однозначными признаками мастерства.

С высоты своих шести лет я чувствовал, что морально перерос велик с детским названием «Бабочка», и, будучи профессионалом, начал всерьез заглядываться на папин шоссейный «Спутник».

Разумеется, мне было строжайше запрещено трогать взрослый велосипед, но, когда ты всю неделю на даче под присмотром бабушки, а родители появляются только на выходные, любой запрет как-то сам собой превращается в рекомендацию, а это уже совсем другое. Я прям чувствовал, как этот огромный и мощный велосипед манит меня, словно застоявшийся без дела скакун, обещая сверхзвуковую скорость.

Естественно, я поддался на зов и одним прекрасным утром после завтрака объявил бабушке, что как обычно пойду покатаюсь на велосипеде. Не уточняя, на каком. То есть даже не обманул в принципе.

Я аккуратно, но быстро и незаметно вывел «Спутник»

из сарая.

Он был огромен и прекрасен. Мне не хватило роста, чтобы сесть в седло с земли, но рядом с домом была скамеечка для вечерних бабушкинских посиделок, и все прекрасно устроилось. Ноги едва касались педалей, до руля я мог дотянуться с большим трудом, но дорога шла слегка под уклон и крутить педали не требовалось. Велосипед ехал непривычно быстро, но это меня не беспокоило, ведь я был профессионал.

Примерно через триста метров на краю поселка дорога пересекалась с бетонкой. Можно было повернуть направо или налево. Слева по своим делам шли коровы, я решил, что поеду направо. Коров я как-то недолюбливал.

Я вдруг понял, что еду слишком быстро, и решил притормозить. Я плавно нажал на педаль ногой назад.

Дело в том, что на шоссейном велосипеде марки «Спутник» ручка тормоза располагалась на руле. Слева – задний, справа – передний. Или наоборот. А на моей «Бабочке» тормоз был сзади, нажимаешь на педаль назад и тормозишь. Очень удобно.

Конечно, я знал об этом, просто по привычке нажал ногой назад. Педаль крутнулась без сопротивления, я потерял равновесие и со всей силы соскользнул с сиденья на раму. Всем, чем можно. Дыхание перехватило, ни о каком повороте уже не могло быть и речи, разгоняясь все сильнее, я пролетел мимо удивленных коров и четко въехал в поле.

На поле росла кормовая кукуруза, достаточно высокая и, видимо, спелая, так как я несколько раз получил початками по лицу, прежде чем притормозил. В этот момент я вспомнил про тормоз на руле и судорожно сжал оба рычага.

Тормоза на «Спутнике» были отличные. Велосипед встал как вкопанный, словно волшебный конь из сказки.

В отличие от меня. В полном соответствии с законами физики я продолжил движение и, перелетев через руль, приземлился в кукурузу.

Обратно я катил велосипед пешком. Во-первых, лавочек, чтобы сесть на велик, в поле не нашлось, а во-вторых, почему-то не хотелось.

Главное, что меня никто не видел, и я по-прежнему оставался велосипедным профессионалом.

Аденоиды

(история про меня и врачей)

Мне было шесть лет, когда выяснилось, что у меня какие-то неправильные аденоиды. Это сказал ухогорлонос из детской поликлиники и назначил процедуры. Потом еще процедуры и еще. Толку от них не было, и начались тревожные разговоры про операцию. Иначе никак.

Я не представлял, о чем идет речь, но подобное развитие событий мне категорически не нравилось. Впрочем, мое мнение никого особо не интересовало, и в один совершенно не прекрасный день мы с мамой отправились в поликлинику удалять аденоиды.

В коридоре перед кабинетом сидела куча грустных детей и мам с бабушками. Я слегка повеселел, думая, что народу много и очередь до меня не дойдет.

Само собой, меня позвали первым.

Кабинет был полон людей в белых халатах и неприятных запахах. Крупная медсестра, похожая на памятник доярке (я видел его на ВДНХ), тяжело уселась в никелированное кресло, меня посадили ей на колени.

– Привязывать тебя? – спросил меня из-под маски подошедший врач.

– Не надо его привязывать, он же будущий солдат, – отве-

тила басом медсестра и сжала меня руками так, что я не мог пошевелиться.

Видимо, в 1980 году было два варианта анестезии для подобных операций: или тебя привязывают к креслу, или просто крепко держат. Возможно, были еще варианты, но мне их не озвучили.

От ужаса я потерял дар речи и, повинувшись жесту врача, открыл рот. Не теряя ни секунды, врач запихнул мне в рот какое-то металлическое приспособление странной формы и стал ковырять внутри.

Я не орал по двум причинам: во-первых, чтобы не волновать маму за дверью, во-вторых, сложно орать, когда захлебываешься кровью.

Все закончилось быстро, и меня выпустили из кабинета. Мама сидела в слезах. Она испугалась, что из кабинета не слышно моих воплей, и решила, что происходит что-то ужасное.

Но были и хорошие новости: мне после операции обязательно нужно было есть мороженое, так сказали врачи, чтобы от холода все заживало быстрее.

Дома я сидел на диване, ел мороженое, а по телевизору показывали фильм «Тайна двух океанов».

В тот момент жизнь определенно удалась.

Запорожец (машина)

Свою первую машину папа купил в 1981 году.

Это был ЗАЗ-968М, или «Запорожец». Вызов мировому автопрому и здравому смыслу. Младший брат «Порше-911» с задержкой в развитии. Когда папе удавалось завести двигатель, слышался рев медведя в эпилептическом припадке. В салоне пахло плохим бензином и помойкой.

Тем не менее необходимо отметить, что «Запорожец», в отличие от зарубежных аналогов, был машиной на все случаи жизни: и картошку возить, и девушек по ленинским местам, и в театр всей семьей, и на рыбалку зимой. Для этого в полу был специальный люк предусмотрен. Вот можно на «Порше» на зимнюю рыбалку поехать? То-то же!

Я отвлекся. Папа был неопытным водителем, поэтому пассажирам предписывалось соблюдать некие правила, а именно: сидеть неподвижно, не издавать ни звука, что бы ни случилось, дышать максимально тихо, плавно и неглубоко, смотреть прямо перед собой. Все это было необходимо, чтобы не отвлекать папу от вождения. Опыта использования личного автотранспорта в семье не было, как правильно себя вести, никто не представлял.

В тот летний день папе улыбнулась удача и машина заве-

лась. В честь этого события было решено отвезти бабушку к ней домой. Меня тоже взяли прокатиться.

Сначала все шло как обычно, машина ехала, издавая звуки грядущего апокалипсиса, в салоне пахло, мы с бабушкой сидели на заднем сиденье и молча неглубоко дышали, глядя прямо перед собой.

Какая-то машина обогнала нас слева и засигналила, мы осторожно скосили глаза и заметили, что водитель, жестикулируя, пытался донести до папы какую-то мысль. Папа продолжал движение, не отвлекаясь на подобные мелочи. Через несколько минут ситуация повторилась с другим автомобилем, затем с еще одним, водители махали папе руками, показывая на что-то сзади в нашей машине. Мне стало крайне любопытно, и я осторожно обернулся назад. Там было на что посмотреть: слева сзади за нашей машиной тянулся плотный шлейф черного дыма. Видимо, она горела. Мы незаметно переглянулись с бабушкой и молча решили принять уготованную нам судьбу.

Пожар – это, конечно, пожар, но разговаривать и тем более вопить от ужаса на ходу в машине, нарушая правила, дураков нет.

К счастью, папа через минуту увидел в зеркале заднего вида дым и остановился у обочины. Он выскочил из машины и бросился к багажнику, где был двигатель. Затем побежал к капоту, под которым был багажник, рывком открыл его, извлек чемодан с инструментами и снова убежал назад.

Мы с бабушкой продолжали сидеть молча, глядя перед собой. Очень хотелось пить, писать и выйти на свежий воздух, но никто нам ничего не разрешал, мы сидели и слушали, как снаружи папа общается с машиной, гремя инструментами. Я с трех лет проводил каждое лето в деревне, так сказать, «в людях», поэтому не услышал ничего нового, но понял, что заклинило задние тормозные колодки, потому что папа забыл снять машину с ручного тормоза.

Я еще подумал, что зря он так про себя говорит, ну забыл и забыл, с кем не бывает. Подумал, но оставил свои мысли при себе, так как был абсолютно уверен, что в нашей ситуации молчание не только золото, но еще и здоровье.

Тем временем папа что-то как-то починил, и мы поехали дальше. Все так же в полной тишине, но без происшествий добрались до бабушкиного дома.

Папа заглушил мотор и разрешил бабушке выйти.

Бабушка выпорхнула из машины с неожиданной прытью, но затем сделала то, чего явно не ожидала от самой себя. Моя еврейская и совершенно в те годы неверующая бабушка быстро и незаметно, чтобы папа не видел, перекрестила меня, всплакнула, помахала нам рукой на прощанье и скрылась в подъезде.

Как выработать хороший почерк (побочные эффекты) (про правописание)

Мы перешли в пятый класс, и выяснилось, что теперь будем писать исключительно перьевыми ручками. Чтобы выработать красивый почерк. По мнению нашей учительницы русского языка Ирины Леонидовны, только перьевая ручка поможет достичь совершенства в межбуквенном сочленении, не говоря уже о правильном наклоне слов и прочих нюансах, необходимых каждому советскому школьнику.

Мы как-то сразу ей поверили. Во-первых, потому, что в принципе были доверчивыми, а во-вторых, потому, что в предыдущем учебном году успели убедиться, что Ирина Леонидовна совершенно не расположена к шуткам и веселым розыгрышам. Вот двойки она раздавала, словно Дед Мороз подарки в Новый год, щедро, не выясняя, кто как себя вел, всем, кто под руку подвернется.

Поэтому мы стали писать перьевыми ручками.

Я и двое моих друзей, братья-близнецы Саша и Сережа, решили пойти дальше.

Писать современной перьевой ручкой может каждый дурак, решили мы, а вот перо, да еще чтобы макать в чернильницу, это совсем другое дело! Это настоящее! Основа основ!

Нам хотелось прильнуть к истокам чистописания, проникнуться его философией и глубинным смыслом.

Домашнее задание пошли делать домой к моим друзьям. Расположились в гостиной на полу. Конечно, удобнее было бы за столом, но где перо и чернила, там кляксы, а стол покрыт белой скатертью, а мама моих друзей хоть и прекрасная современная женщина, но скатерть в чернилах не поняла бы.

Ничего, нормально. Правда, на полу лежал ковер, но ковер не скатерть, застелили газетами, поставили чернильницу и принялись за дело.

У любого ковра имеется ворс, и этот конкретный ковер не был исключением.

Раз есть ворс, значит, поверхность ковра не может быть твердой, значит, чернильница стоит неустойчиво и легко может опрокинуться.

В какой-то части сознания мы все трое понимали, что чернильница опрокинется и это просто вопрос времени, но делали вид, что ничего не произойдет, и очень удивились, когда это случилось.

Несмотря на удивление, среагировали мы мгновенно и слаженно. Никто не потерял присутствия духа и не впал в панику. Я поднял опрокинутую чернильницу и поставил ее на стол. Саша моментально сгреб залитые чернилами газеты и наши тетради с домашкой, Сережа метнулся на кухню за чистящим средством, которым щедро залил ярко-фиоле-

товое пятно на ковре. Через несколько минут пятно исчезло. Остался только мокрый ковер. Никаких следов.

Мы смотрели друг на друга, словно космонавты, избежавшие столкновения с астероидом. Такие невозмутимые профессионалы, которым все нипочем.

Вдруг взгляд Сережи остекленел, он смотрел куда-то нам за спины и молчал. Мы оглянулись и увидели чернильницу. Чернильница стояла на столе, на белой скатерти, словно вулкан среди белоснежного льда, а вокруг медленно растекалось пятно фиолетовой лавы.

Мы снова не впали в панику. Сдернули скатерть и рванулись в ванную. Нужно просто застирать пятно. Хозяйственное мыло – отличная вещь, может отстирать вообще все что угодно. Оказалось, что частично застирать скатерть не выход, и мы решили постирать ее всю. Скатерть из белой постепенно превращалась в серо-светло-голубую, а ванна из белой – в светло-фиолетовую, но мы не обращали внимания на подобные мелочи. В целом, все выглядело вполне пристойно, если смотреть издали и не включать свет.

Скатерть нужно было высушить как можно быстрее, и мы развесили ее на перилах балкона, тщательно расправив складки под лучами осеннего солнца.

Мы как раз любовались плодами своих трудов, когда сосед сверху вытряхнул с балкона банку с окурками. Свинская привычка, между прочим.

Несколько мгновений мы разглядывали скатерть, равно-

мерно покрытую окурками и пеплом, пытаюсь не провалиться в бездну паники.

Решение пришло само собой. Скатерть просто нужно вытряхнуть. Так, спокойно, балкон маленький и узкий, значит, снимаем скатерть и вытряхиваем в гостиную. Через несколько минут все было кончено. Скатерть сияла относительной чистотой, и мы снова развесили ее на балконе, справедливо рассудив, что в одну воронку дважды снаряд не попадает.

Вернувшись в гостиную, мы уже собирались обменяться невозмутимыми взглядами профессионалов, как вдруг глаза Сережи знакомо остекленели, и он опять смотрел нам за спины.

Это были шторы. Белый такой кисейный тюль был весь в окурках и пепле, которые мы вытряхнули со скатерти.

Тут я как-то вдруг понял, что хоть и не проваливаюсь в бездну паники, но тем не менее мне пора домой.

На следующий день в школе я спросил Сашу и Сережу, что сказала их мама, когда вернулась домой. Они отвели глаза и сказали, что ничего особенного, скатерть и занавески все равно когда-нибудь пришлось бы выбросить, ванну в принципе, наверно, можно отмыть, а то, что паркет под ковром от химикатов вздулся, вообще практически незаметно. Еще они сказали, что их мама сказала, чтобы я еще заходил. Только не так часто.

Лыжи

(посвящается урокам физкультуры)

Снежный холод этого января напомнил, какой должна быть зима. Я вдруг подумал, что уроки физкультуры в виде лыж проводили обычно в такую погоду. Явно не просто так, очевидно, что нас, как и всех советских школьников, готовили к чему-то серьезному и невыполнимому.

Между прочим, я бы посмотрел, как Том Круз выполнил миссию на лыжах «Карелия Сортавала» в стоящих колом на морозе дерматиновых ботинках с креплениями, похожими на волчий капкан.

Особенно после того, как прищемит палец на морозе в неудачной попытке надеть лыжи.

Однако сейчас не об этом. В один прекрасный жутко морозный снежный день наш 6 «Б» отправился в Тимирязевский лес. Физрук Богдан Виленович (сокращенно от Владимир Ильич Ленин, да, такое бывало, строили коммунизм и очень любили вождей, обычное дело) объявил, что мы будем учиться съезжать с горы. Выбора не было, и мы потащились в лес, все лучше, чем диктант или контрольная по физике.

Мой одноклассник Сережа не хотел съезжать с горы, он

хотел домой. Выяснилось, что всю дорогу до леса он обдумывал план. Вообще, у Сережи был план на все случаи жизни. На каждый случай свой. Не всегда хороший, чаще даже наоборот, но план был всегда.

Мы дошли до горы, точнее до крайне пологого небольшого склона, и Сережа таинственным шепотом поделился с нами планом.

План был безупречен: чтобы отпустили с лыжной физры, нужно оказаться без лыж, чтобы оказаться без лыж, нужно сломать лыжи, обе или одну, без разницы, но так, чтобы все выглядело как бы случайно.

Мы в целом согласились с планом, но тем не менее уточнили: как он собирается случайно сломать лыжи?

Сережа печально покачал головой, ему было явно тяжело общаться с такими недалекими людьми, как мы, но он пересилил себя и показал лыжной палкой куда-то вниз. Там, внизу, посередине склона, росла очень одинокая сосна средней толщины, Сережа объяснил, что он вроде бы случайно, но на самом деле крайне расчетливо врежется в сосну лыжей, лыжа сломается, он пойдет домой, а мы останемся мерзнуть в лесу. Вот такой план.

Все замерли в восхищенном сомнении, а он не стал ждать и, не теряя времени, направился на встречу с сосной.

Необходимо сказать, что Сережа носил очки, но мне до сих пор кажется, что его плохое зрение не сыграло роли, ведь он не промахнулся. Он попал точно, но не правой или

левой лыжей. Сережа въехал в сосну собой на полном ходу с глухим, но очень сочным звуком, секунду постоял и аккуратно отвалился на спину.

Когда мы добежали, оказалось, что он даже сознания не потерял, просто лежал и молчал, а после того как его обтерли снегом, пришел в себя и заговорил.

Лыжи остались целы. С физры его не отпустили.

О любви

(и о некоторых мелочах, которые все портят)

В шестом классе я был влюблен в одноклассницу. Не помню уже, как ее звали, но чувства были сильные. Я робел и не решался обратить на себя ее внимание, лишь наблюдал издали в немом благоговении, прям как Петрарка за Лаурой.

Однажды в школьной столовой мы оказались за одним столом друг напротив друга.

Я от восторга потерял дар речи и аппетит, хотя в тот день на обед давали рожки. Такие толстые короткие макароны. Очень вкусные, даже когда без масла. Я как зачарованный смотрел, как она ест, и был совершенно счастлив.

Вдруг она поперхнулась, закашлялась, и один рожок вылетел у нее из носа.

Прямо в мой стакан с компотом.

Так прошла любовь.

Пионер и глобус Ленина (посвящается 19 мая, дню Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина)

19 мая – день основания Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Сейчас уже мало кто помнит, а в свое время пионер был всем ребятам пример и еще куча всего, что называлось «символы и ритуалы пионерской организации». В общем, все непросто.

Очень круто было, если тебя принимали в пионеры в первую очередь, да, в пионеры принимали, очень торжественное мероприятие, между прочим. В первую очередь принимали самых молодцов, отличников там или отличившихся в какой-нибудь школьной затее.

Мне повезло. Во время сбора макулатуры мы с коллегами по классу набрали на задний двор местного хозяйственного магазина, где по случаю позаимствовали вроде бы ненужные картонные коробки. Их было много, и они были тяжелые, что сделало наш класс победителем в этой затее, а мы, соответственно, попали в первую партию пионеров.

Обставлено все было по высшему разряду, нас привезли в музей Ленина, рядом с Красной площадью, отвели в какой-то ужасно торжественный зал, где каждый по очереди произнес клятву и получил заветный красный шелковый или похожий на шелковый галстук. Между прочим, его нужно было завязывать особенным способом, а не просто узлом.

Ну, значит, стали мы пионерами, и повели нас в рабочий кабинет самого Ленина, где целыми днями наш Ильич строил коммунизм. Приходим, ну так кабинет, понятно, стол-стулья-шкафы-кресла, если не знать, что тут сам Ленин сидел, никогда и не подумаешь, все такое добротное, но без шика. Не царские палаты, одним словом. И тут мы заметили глобус. Это был не просто глобус, а прям Глобус! Огромный, с рельефными материками и яркими океанами, он притягивал к себе и приглашал повернуть тяжелую сферу, чтобы лучше рассмотреть снега Арктики и зелень джунглей.

Словно под гипнозом, мы двинулись к этому чуду. Экскурсовод мгновенно охладила наш пыл, сообщив, что к глобусу подведено электричество, и каждый, кто попробует дотронуться, немедленно получит удар током.

Мы остановились в раздумьях. Ну конечно, никто не поверил в такую дикую и безумную мысль, что к глобусу в кабинете самого дедушки Ленина, который так любил детей, подведен ток. Да не может быть, это экскурсовод сказала, чтобы мы глобус не трогали. Можно было просто попросить не трогать экспонат, мы, между прочим, не какие-то там де-

ти, уже самые настоящие пионеры.

Ну ладно, все все поняли и уже собрались двигаться к выходу, но, как оказалось, среди нас был некий пытливый ум, Фома неверующий, привыкший все проверять. Причем на себе. Он приотстал и потрогал глобус.

Его шибануло так, что из ушей повалил самый натуральный дым, во всяком случае, нам так показалось, а новый синтетический пионерский галстук и волосы встали дыбом.

Это был действительно знаменательный день. Я стал пионером. Я понял, что в Советской стране пионерам всегда говорят правду.

Про безрассудство и отвагу

В средней школе времен Советского Союза главным предметом был, безусловно, русский язык. На втором месте литература, затем математика, а уже потом всякие физики и истории с физкультурой и химией.

У нас в школе русский язык и литературу преподавала Ирина Леонидовна. Делала она это весьма успешно, доказательством тому служит то, что я пишу без ошибок и инстинктивно правильно расставляю знаки препинания, причем без помощи компьютера. На уроках литературы нам было интересно, даже наводящие тоску произведения классиков литературы казались не очень занудными. В общем, все было бы чудесно, если бы не одна вещь.

Ирина Леонидовна совершенно не выносила, когда на уроке русского языка начинали запинаться или неуверенно отвечать устное домашнее задание. Она без промедления выходила из себя. А не в себе это был совершенно другой человек. Урок начинал походить на допрос подпольщиков в гестапо. Подпольщики были совсем не против сознаться, но от страха и на нервной почве совершенно отшибало память.

Каждый раз все начиналось внезапно. Никогда и ничего не предвещало беды. Не было связи между ее настроением и погодой, или временем года, или месяца, или дня. От это-

го было еще страшнее. Неизвестность, как известно, пугает особенно сильно.

Происходило все примерно следующим образом. Начиная урок русского языка, и перед началом новой темы Ирина Леонидовна вызывала кого-нибудь к доске ответить устно домашнее задание. Заданный параграф учебника. Вот эта лотерея и определяла дальнейший ход событий. Если вызванный «кто-нибудь» начинал говорить громко, уверенно и без запинки, пусть даже и не совсем то, что нужно, то все отлично и почти наверняка все обойдется. Мяться у доски, тянуть время или делать вид, что вот сейчас все вспомнишь, означало полный крах для всех.

Была еще одна ловушка. Ирина Леонидовна часто останавливала отвечающего и задавала уточняющие вопросы. Или вместо того, чтобы дать выпалить честно вызубренный параграф, спрашивала про какие-нибудь никому не нужные особенности написания деепричастных оборотов. И тут уж смотри, не оплошай. Ответ должен был быть мгновенным и незамедлительным. Необходимо было сохранять максимальное хладнокровие и присутствие духа.

Разумеется, далеко не каждый ученик пятого класса средней школы обладал набором указанных качеств. Поэтому часто после вопроса возникала пауза. Как известно, пауза хороша вовремя. Вроде ложки к обеду. Урок русского языка совершенно не подходит для пауз.

Итак, вопрос висел в воздухе. Ничего не происходило.

У доски безмолвие и судорожная работа мысли. Мы физически ощущали ход времени. Все! Время вышло. Ирина Леонидовна в притворном удивлении поднимала брови и, растягивая звуки, произносила: «Ннннууу?» Даже если вдруг в эту секунду жертва у доски чудом вспоминала ответ, это не имело никакого значения. Уже поздно. На выдохе Ирина Леонидовна выстреливала сквозь сжатые губы в сторону доски только одно слово: «ДВА!» Причем, не «САДИСЬ, ДВА!!!», а просто «ДВА!», на место идти рано, с ним еще не закончили.

Затем она поворачивалась к классу.

Убежать или спрятаться под парту было невозможно. Мы сидели, скованные ужасом и парализованные ее бешеным взглядом. Максимум, на что мы были способны, это попытаться спрятаться за раскрытыми страницами учебника, одновременно пытаясь перечитать параграф домашнего задания.

Ирина Леонидовна молча указывала пальцем на следующую жертву. Обреченный поднимался на ватных ногах. Иногда он или она даже успевали выдать из себя некое подобие звука, похожего на писк, прежде чем сесть на место пробитым навывлет двойкой. Шансов не было. Ни у кого. Причем пребывая в состоянии валькирии, хлебнувшей настойки из мухоморов, Ирина Леонидовна совершенно не делала разницы между девочкой – круглой отличницей и простым серым троечником. Двойки получали все.

К счастью, она обычно ограничивалась тремя или четырьмя жертвами, после чего возвращалась к ждущему своей участи у доски и, не зная сострадания и жалости, вытягивала нужные ей ответы. Этим все и заканчивалось.

Но только не в тот раз.

В тот несчастный день все начиналось по обычному сценарию. У доски стоит получивший свою двойку и ждет продолжения, девочка-отличница получила свою первую в жизни двойку и беззвучно плачет, забившись в угол парты, еще двое сидят, гордо выпрямив спину, двойка есть, прятаться не нужно. Ледяной взгляд валькирии скользит по головам. И натывается на поднятую руку. Кто-то поднял руку. Немыслимо. Даже несколько противоестественно. Это вызов. Кто этот герой? Это Саша Суворов. Тезка и однофамилец отважного великого полководца.

«Суворов?» – голос Ирины Леонидовны звучит несколько уважительно. Она понимает толк в отваге.

И тут случается страшное. Оказалось, что Саша Суворов унаследовал от великого генералиссимуса отвагу, но не мозги. Он встал и сказал: «Ирина Леонидовна, можно выйти? У меня банан потек». Именно так. Слово в слово.

Невозможно описать словами то, что случилось потом. Видимо, нечто подобное в свое время устроил царь Ирод. В тот день двойки получили все в классе. Кроме Саши Суворова. Он получил единицу.

После уроков мы избili Сашу. Все на одного. Включая

девочек.

А что нам оставалось делать? Каждому из нас предстояло прийти домой и сказать примерно следующее: «Папа и мама, у меня сегодня двойка по русскому, потому что у Саши Суворова на уроке банан потек». Мало того, что это звучало не очень прилично, так еще и не очень правдоподобно.

Мои родители, например, совершенно не поверили в эту безусловно правдивую историю и выдали мне все, что полагается в таких случаях.

Судя по тому, что на следующий день Сашу снова избili всем классом, родители моих одноклассников тоже не захотели войти в незавидное положение, понять и простить.

Смысл поговорки «дважды на одни грабли» в том, что у человека, безусловно, есть право на ошибку, но если ситуация повторяется, то, видимо, стоит задуматься над тем, что происходит.

Не знаю, о чем думал Саша Суворов, но через несколько месяцев в аналогичной ситуации он снова поднял руку, встал и жизнерадостно произнес: «Ирина Леонидовна, я гвоздик нашел!»

Надеюсь, что нет необходимости рассказывать, что случилось потом.

К счастью для нас, родители вскоре перевели Сашу Суворова в другую школу, и традиция получать двойки всем классом не прижилась.

Про ПТУ

Сейчас это называется «колледж», и любой родитель, не кривя душой, может сказать: «А наш после девятого класса пошел в колледж». Звучит солидно, а не как приговор.

В наше время колледжи были на загнивающем Западе, а у нас были ПТУ: профессионально-технические училища или, как говорили в народе: «Помоги тупому устроиться». Все герои школьных стенгазет из раздела «Они нас тянут назад» по окончании восьмого класса получали недвусмысленный намек или прямое предложение свалить в ПТУ и не омрачать своим присутствием светлые школьные стены.

Исключение составляли немногочисленные романтики, желающие вкусить взрослой жизни, вступив в ряды рабочего класса.

Я оказался в ПТУ исключительно за компанию. Когда мама узнала, куда я подал документы, она села на стул в кухне и сначала долго смотрела в окно, потом залпом выпила стакан воды и тихонько заплакала. Я попытался ее утешить, сказав, что это лучше, чем за компанию прыгнуть с крыши. Это не помогло. Она заплакала громче и твердо заявила, что теперь я покачусь по наклонной.

Для этого были все основания. Наше славное ПТУ за номером 24 состояло из молодого поколения гопников Балашихи и Южного Измайлово. Такие джентльмены удачи сред-

ней полосы, с легким уклоном в анархию, слегка приправленные блатной романтикой.

Ничего из ряда вон выходящего, вполне заурядное учебное заведение конца восьмидесятых годов прошлого века.

На общем фоне особенно выделялись Вася и Валера. Они учились в нашей группе и выделялись на общем фоне тягой к затейливым и нелогичным развлечениям.

В частности, они любили вместо уроков прохаживаться по платформе станции метро «Семеновская» в ожидании поезда. Поезд прибывал, они шли вдоль вагонов, высматривая, чтобы кто-то стоял у дверей.

Заметив подходящий вариант и подождав, когда механический голос объявит, что двери закрываются, они бежали к вагону и кричали, чтобы им подержали двери. Сердобольный человек чаще всего откликнулся на призыв о помощи и придерживал створки руками. Тогда они подбегали, с размаха били этого несчастного по лицу, он падал в вагон, двери закрывались, и поезд уезжал. Вася и Валера считали, что это очень весело.

Коллеги по группе не разделяли их увлечений и не могли понять, что тут веселого.

В наших кругах насилие, не связанное с извлечением прибыли или территориальными спорами, категорически не приветствовалось.

Поэтому Вася и Валера считались немного странными персонажами.

До тех пор, пока однажды они не перестали ходить на уроки. Они появились через три дня. Вид у них был такой, словно по ним сначала топтался слон, а затем кинул их под поезд. Валера не мог внятно изъясняться из-за распухшей верхней губы, а Вася шепелявил из-за выбитого зуба, но совместными усилиями с помощью жестов им удалось донести до нас картину произошедшего.

Все начиналось как обычно. Пришли в метро, дождались поезда, выбрали какого-то мужика, закричали, он двери схватил и держит, подбежали, стукнули его, он в вагон влетел, двери закрылись.

Дальше все пошло не по плану. Поезд не поехал. Двери снова открылись. Такое бывает. Мужик выскочил из вагона и погнался за Васей и Валерой. Вася и Валера не стали его ждать и решили убежать. От неожиданности они побежали не в ту сторону и оказались в тупике. На станции метро «Семеновская» только один выход. Там этот мужик их и настиг.

Валера еще возмущался, что они сразу стали кричать, чтобы милиция скорее их спасала, что их бьют, но милиция не спешила приходить и вообще не пришла, и поэтому Вася и Валера в таком виде.

А Вася сказал, что ничего страшного. Они теперь знают, в какую сторону нужно бежать, и проблем больше не будет.

Телесные повреждения средней тяжести, включающие три выбитые зуба на двоих и треснутые ребра на одного, не заставили их усомниться в правильности выбранного пу-

ти.

Вот после этого мы стали считать их очень странными.
Но упорными.

Про важные мелочи

На подготовительных курсах в университет в нашей группе училась девушка. Высокая, стройная и настолько красивая, что я даже не смотрел в ее сторону, настолько это было бесперспективное занятие.

Однажды она сказала, что ей нравится Микки Рурк. В начале девяностых это было нормально. Причем, как выяснилось, он ей нравился настолько, что она, по ее словам, переспала с парнем только потому, что он в Лос-Анджелесе сидел с Микки Рурком в одном ресторане за соседним столом.

Я, как только это услышал, сразу сказал, что у меня есть кассета с новым фильмом Микки Рурка. Это было правдой. «Харли Дэвидсон и ковбой Мальборо» – шикарный фильм, между прочим. Особенно в озвучке Гаврилова.

Она окатила меня сверху вниз всеобещающим взглядом и спросила, можно ли как-нибудь увидеть этот шедевр.

Естественно было можно, еще как. В назначенное время она приехала ко мне домой, по странному стечению обстоятельств родителей и младшего брата дома не было.

Я поставил кассету в видеомаягнитофон и включил фильм. Она сняла джинсы, как она объяснила, чтобы не помять, и мы сели рядом на диван наслаждаться Микки Рурком.

Через девяносто восемь минут кино кончилось. Она странно посмотрела на меня, вздохнула и сказала, что ей по-

ра, ее мама ждет к ужину. От чая с вареньем отказалась.

Прошло много лет, а мне все кажется, что я тогда упустил какую-то важную мелочь, что-то не сделал.

Никак не могу понять, что.

Первое сентября (посвящается Дню знаний)

Первое сентября мне запомнилось дважды.

Не в том смысле, что один день два раза, я же не псих, а два разных первых сентября.

Первое – безусловно, первое сентября первого класса в школе. Это было еще в советские времена.

Школьная форма, ранец, тетради, пенал с ручками, букварь – все новое, красивое, взрослое и пахнет знаниями! Мы стоим на линейке на школьном дворе, вокруг цветы, музыка, воздушные шарiki и хорошая погода.

Мне все так понравилось, что и на следующий день я радостно пошел в школу.

Это потом выяснится, что «праздник каждый день» длится всю неделю, включая субботу и домашнее задание, что это на десять лет, и радость моя испарится, но в то первое сентября я был счастлив, смотрел в будущее с надеждой, не понимая, почему старшеклассники стоят с уныло-равнодушными лицами.

Второе первое сентября – это первый курс университета. В тот день вместо линейки первый курс философского факультета МГУ погрузили в автобусы и отправили в живописную деревню неподалеку от Бородино, чтобы собирать кар-

тошку.

Днем ранее в первой поточной аудитории первого гуманитарного корпуса МГУ на собрании факультета заместитель декана обратился к первокурсникам с речью. Он начал с того, что поздравил нас с поступлением в университет и сообщил, что отчислит любого, кто будет замечен в состоянии алкогольного опьянения на картошке. Затем поведал о славных традициях философского факультета и заявил, что каждый, кто будет на картошке употреблять алкоголь, будет немедленно отчислен. Завершил он свою речь пожеланиями успехов в учебе и обещанием избавиться от каждого пьющего студента.

Вечером накануне отъезда я собирал рюкзак. В комнату зашел папа и протянул мне бутылку водки.

– Вот, – сказал он, – возьми с собой.

– Ты что! – возмутился я. – Нас обещали отчислить, если увидят пьяным, а ты мне такое предлагаешь! – я был полон негодования.

– Я не могу позволить, чтобы мой сын выглядел как идиот без водки, – весомо сказал папа, – особенно на картошке!

Мы тряслись в автобусе, и я вместо того, чтобы наслаждаться осенними пейзажами Подмосковья, мысленно обдумывал оправдательную речь на случай обнаружения алкоголя в моих вещах, бережно прижимая к себе рюкзак, чтобы тщательно завернутая во всю мою одежду бутылка как-нибудь не разбилась.

Правда, я заметил, что практически все мои однокурсники бережно прижимают к себе свои сумки и рюкзаки, что наводило на смутные, но не оформленные в мысли подозрения.

Разместили нас в местном одноэтажном общежитии типа барак, в комнатах по четыре человека, и какое-то время все были заняты хозяйственной суетой, обычной при расселении.

Это не могло продолжаться бесконечно, и вот, наконец, все сидели по своим комнатам. Ничего не происходило.

Я тоже сидел в своей комнате, в компании малознакомых тогда однокурсников. Мы молчали, выжидательно поглядывая друг на друга. Пауза тяготила, но никто из присутствующих не хотел проявлять инициативу.

На пороге появилась высокая фигура и сказала:

– Привет! Меня зовут Егор, давайте выпьем!

Дальше все как в тумане.

Выбор

Эта история не о выборе. Она о том, из чего приходится выбирать.

На втором курсе университета я съехал от родителей и жил в однокомнатной квартире, которая досталась мне от бабушки, в чудесном районе Строгино.

Это было время откровений, я постигал мир, открывая для себя, что вещи сами не стираются, не гладятся, за свет, воду и телефон надо платить, полы мыть, еду готовить, а перед этим покупать – в общем, познавал все прелести самостоятельной жизни.

В очередной раз я столкнулся с неизведанным, когда заболел. Прошло уже больше двадцати лет, а я до сих пор не знаю, чем же был болен. Тело вдруг покрылось красными пятнами, и поднялась температура.

Я совершенно не представлял себе алгоритм действий. Ну, то есть когда я жил с родителями, все было просто: я заболел, тут же возникала мама с таблетками и градусником, потом приходил врач, осматривал меня, выписывал рецепт, я сидел дома и пил таблетки, затем выздоравливал. Шел к врачу, получал справку в школу об освобождении от физкультуры на две недели. Все.

А что делать сейчас? Мама с таблетками нет, значит, врач тоже не появится. Система дала сбой. Я даже не мог по-

мерить температуру, так как градусника не было. Я решил не сдаваться и сделать так, чтобы врач все-таки пришел.

После долгих переговоров сначала со справочной, а затем с регистратурой районной поликлиники мне удалось вызвать врача на дом. Дело в том, что я не был прописан по тому адресу, где проживал, и в регистратуре мне советовали пойти туда, где я прописан, там болеть и туда вызывать врача. Пришлось угрожать, что я сейчас прямо во время разговора умру от неизвестной болезни, но перед смертью успею написать записку, в которой укажу, кого надо винить в том, что так нелепо оборвалась молодая жизнь. Скорее всего, решающим фактором стало мое обещание написать записку кровью.

Врач появился, причем достаточно быстро. Это была умудренная опытом женщина средних лет. Она осмотрела мои пятна, померила температуру градусником и уверенно поставила диагноз: «Краснуха. Или сифилис». Затем взглянула на меня и спросила: «А вы что выбираете?»

Я замешкался. Краснуха или сифилис. Я судорожно пытался понять, что же лучше. Ни один из предложенных вариантов категорически не устраивал. Я все еще пытался выбрать, когда врач вдруг сказала: «Обязательно предупредите всех своих половых партнеров! Им придется провериться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.